

A woman with long, wavy brown hair is the central figure. She wears a dark, ornate historical dress with a wide, white lace collar and a red choker with a gold bell. Her right arm is in a dark sleeve with gold embroidery and a red sash. In the bottom left, a glass holds a red rose. The background is a blurred historical setting with other people.

Акстиния А

**Как я спасала банк Медичи, варила
кофе без цикория и влюбилась в
интроверта**

Акстиния А

Как я спасала банк Медичи, варила кофе без цикория и влюбилась в интроверта

<https://litres.ru/74038289>

SelfPub; 2026

Аннотация

Флоренция, XV век. Здесь векселя важнее мечей, а яды — просто инструмент нетворкинга. Лукреция «Люче» Донати виртуозно знает токсины, презирует свинцовые белила и грезит сетью кофеен без цикория. Её напарница — хаотичная Беа, главный сплетник города, а заказчик — Лоренцо Медичи. Снаружи — финансовый кондотьер, внутри — тревожный интроверт, боящийся павлинов и коллекционирующий кривые кружки.

Когда конкуренты устраивают «враждебное поглощение» с помощью лайт-ядов и пасквилей, Люче становится аудитором безопасности Гильдии. Ради финансирования стартапа и лосося для кота Макиавелли она готова на всё. Но за двойной бухгалтерией зреет заговор, угрожающий всей Синьории. Пока Беа крадёт грассбухи, а Энцо флиртует цитатами из Данте, Люче понимает: самый летальный реагент — это доверие.

Здесь не казнят, а отменяют. Интриги распутываются, а любовь варится крепче эспresso. Добро пожаловать в Ренессанс без свинца и с хорошим KPI.

Содержание

ПРОЛОГ (ПОВ: Люче)	5
ГЛАВА 1. Гекзаметр, мышьяк и дефицит боросиликатного стекла	9
ГЛАВА 2. Двойная бухгалтерия и один антидот	13
ГЛАВА 3. Инвестиционный бюллетень с высоты птичьего полета	17
ГЛАВА 4. «Канта-релла-лайт» и кризис импортозамещения	21
ГЛАВА 5. Синергия, дивиденды и уродливые майоликовые кружки	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Акстиния А

Как я спасала банк Медичи, варила кофе без цикория и влюбилась в интроверта

ПРОЛОГ (ПОВ: Люче)

Говорят, Флоренция — колыбель Ренессанса. Какая прелесть. Туристы из Венеции любят покупать на Понте-Веккьо акварели с куполом Брунеллески и рассуждать о высоком искусстве. Но давайте начистоту: Флоренция — это стар-тап-столица мира. Только вместо венчурных фондов у нас семейные кланы с очень тяжелыми сундуками, а вместо ай-фонов мы производим интриги.

Меня зовут Лукреция Донати, для друзей и должников — просто Люче. Я руковожу самой продвинутой R&D-лабораторией в Гильдии Аптекарей и Парфюмеров. И нет, я не варю по ночам приворотные зелья для скучающих графинь и не продаю толченый мел под видом порошка из рога единорога. Я — токсиколог. И, пожалуй, единственный человек в этом городе, кто понимает, что свинцовые белила — это не «сияние ангельской кожи», а медленный путь к деменции

и ужасному цвету лица. Но попробуйте объяснить это флорентийским инфлюенсерам, чьи охваты зависят от бледности щек.

В нашем городе есть одно негласное правило: убийства — это плохой пиар. Инквизиция не любит плохой пиар, а Папа Римский и вовсе может отлучить от церкви за испорченный банкет. Поэтому кинжалы в спину и мышьяк в супе остались в темных веках. Сейчас в тренде «временная дискредитация конкурентов». Это называется агрессивный нетворкинг.

Вот, например, прямо сейчас я рассматриваю в латунную лупу содержимое серебряного тазика. Это рвотные массы племянника Его Святейшества. Парень вчера переборщил с дегустацией трюфелей на закрытом ужине и теперь общается с кардиналами исключительно дактилическим гекзаметром. Дядя-кардинал пытается обсудить с ним налоги на шерсть, а парень с закатанными глазами выдает: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» Для кого-то это трагедия и конец дипломатической карьеры. Для меня — увлекательный челлендж по дебагу человеческого организма и шанс выставить Гильдии счет с тремя нулями.

— Мяу, — говорит Макиавелли. Мой рыжий, невероятно наглый и совершенно токсичный кот трется о склянки с концентрированным экстрактом белладонны. Он требует премиум-лосося. А лосось стоит флоринов. Флорины дают банкиры. Банкиры — главные акулы этого города, и именно они держат в руках все рычаги влияния, от цен на квасцы до на-

строения Святого Престола.

Я делаю глубокий *sigh*(вздыхаю — я часто мыслю категориями запрещенных манускриптов с Альбиона) и отставляю тазик. Моя глобальная жизненная цель — не захватить мир и не стать тайной правительницей Тосканы. Я просто хочу открыть первую в Европе сеть кофеен. Настоящий, черный, горький кофе без этой мерзкой, дешевой примеси цикория, от которой потом три дня отрыжка жареными каштанами. Но пока мой кофейный стартап находится на стадии *pre-seed*(посевной раунд, если переводить на язык венецианских ростовщиков), мне приходится сотрудничать с корпорацией «Банко Медичи».

А точнее — с Лоренцо. Энцо. Молодым наследником банковской империи. Внешне он выглядит как безжалостный «кондотьер финансов», способный разорить целую деревню из-за ошибки в двойной бухгалтерской записи. Но я-то знаю правду. Внутри этот парень — тревожный интроверт, который тайно спонсирует каких-то чудаков, пытающихся приклеить крылья к мельницам, и коллекционирует настолько уродливые майоликовые кружки, что от них хочется плакать.

Колокол на башне Джотто начинает бить восемь утра. Рынок открывается. Где-то в городе семья Пацци готовит очередной враждебный захват (или, как они это называют, «семейный совет с арбалетами»). Моя лучшая подруга Беа, местный хаотичный блогер, вероятно, уже подкупила звоняря и запускает фейковые новости через почтовых голубей. А

мне нужно синтезировать антидот от гексаметра до вечерней мессы, иначе Ватикан заморозит наши активы.

Я поправляю кожаный фартук, сдуваю прядь волос, пахнущую серой и эфирным маслом бергамота, и улыбаюсь своему отражению в колбе. Добро пожаловать во Флоренцию. Здесь ваши активы токсичны, интриги — лучший способ поднять охваты, а любовь может ударить в голову сильнее, чем перегар из реторты. Начинаем дегустацию хаоса.

ГЛАВА 1. Гекзаметр, мышьяк и дефицит боросиликатного стекла

(ПОВ: Люче)

Флоренция просыпается. За узким окном моей подвальной лаборатории слышны первые крики рыночных торговцев, скрип телег с оливковым маслом и чей-то отчаянный вопль: «Свежие фиги! Слаще поцелуя вдовы!» Классический тосканский утренний саундтрек.

Я стою над серебряным тазиком, в котором плещется содержимое желудка племянника Его Святейшества, и чувствую себя археологом, раскапывающим гробницу фараона. Только вместо золота и проклятий здесь — полупереваренные трюфели, следы редкого сардинского гриба и, судя по всему, соли ртути в комбинации с чем-то, что я пока не могу идентифицировать.

«О, муза, воспой гнев... нет, подождите, это Гомер, а я про налоги на шерсть!» — долетает до меня из соседней комнаты, где бедняга лежит на кушетке, обитой бархатом цвета крови кардинала.

Я поправляю защитные очки из толстого венецианского стекла (заказывала через контрабандистов, потому что Гильдия Стеклодувов держит монополию хуже, чем Пацци — квасцовые шахты). Мои волосы собраны в небрежный пучок,

из которого торчат две медные спицы — для отвода статического электричества. Гениальное изобретение, между прочим. До него мои эксперименты с эфирными маслами заканчивались фейерверками, а не научными открытиями.

— Макиавелли, не смей нюхать этот осадок, — шиплю я на кота, который пытается засунуть свой розовый нос в плоскую алебастровую площадку (чашек Петри еще не изобрели, но суть та же).

Макиавелли — рыжий, невероятно наглый и совершенно токсичный кот с амбициями Макиавелли-человека. Он фыркает, отворачивается и начинает вылизывать лапу с видом оскорбленного патриция, которому предложили дешевое вино вместо бароло.

— Там следы алкалоидов белены в комбинации с чем-то, что я пока не могу идентифицировать, — объясняю я коту, который, разумеется, не слушает. — Если ты начнешь декламировать Овидия, я не буду тебя лечить. Премиум-лосось и так съедает половину моего квартального бюджета.

В лаборатории пахнет сероводородом, сушеным розмарином и легким отчаянием. Стены выложены грубым камнем, местами покрытым плесенью, которая, возможно, тоже токсична. На полках — ряды склянок из разноцветного стекла: рубиново-красные, изумрудно-зеленые, янтарные. Каждая подписана моим неровным почерком: «Экстракт белладонны — НЕ ПИТЬ», «Мышьяк — для крыс (и конкурентов)», «Настойка пустырника — для Энцо после советов ди-

ректоров».

Проблема не в самом факте отравления. Во Флоренции отравляют чаще, чем пекут фокаччу. Проблема в *креативности* заказчика. Кто-то добавил в трюфельное ризотто коктейль, вызывающий временное воспаление речевого центра мозга. Жертва начинает говорить исключительно античными стихотворными размерами.

Для племянника Папы, приехавшего подписывать эксклюзивный контракт на поставку квасцов, это катастрофа. Представьте: дядя-кардинал пытается обсудить логистику морских перевозок, а парень ему: «Быстрыми крыльями летит корабль по лазурным волнам!» Дядя в бешенстве, контракт под угрозой срыва, а моя лаборатория завалена биоматериалом.

— Синьора Лукреция! — в дверь (тяжелую дубовую, окованную железом, чтобы внутри не ломились конкуренты с промышленным шпионажем) барабанят так, будто там стоит инквизиция с ордером на мой арест.

Входит Томмазо, мой младший подмастерье. У него панический взгляд и в руках пергамент с сургучной печатью Банка Медичи. Парень выглядит так, будто только что увидел призрака своего бухгалтера.

— Там... там Синьор Лоренцо. Он требует немедленного отчета. Говорит, что если к вечерней мессе племянник Папы не начнет говорить прозой, Медичи заморозят грант на исследование кофе!

Я закатываю глаза так сильно, что вижу собственный мозг. — Заморозят грант? Энцо знает, что мои кофейные зерна сейчас проходят стадию ферментации? Если он прервет процесс, мы получим не эспрессо, а просто дорогую жижу, от которой три дня отрыжка жареными каштанами!

Я срываю фартук, хватаю склянку с универсальным абсорбентом (активированный уголь из скорлупы кокоса, привезенный венецианцами, стоит как крыло от галеона) и флакон с антидотом на основе настойки пустырника и валерьяны.

— Томмазо, следи за котом. Если он съест мышьяк, не паникуй, просто дай ему молока и запиши в журнал инцидентов. Я пошла спасать экономику Тосканы.

Макиавелли презрительно щурится и продолжает вылизывать лапу. Он явно считает, что спасение экономики — это ниже его достоинства.

ГЛАВА 2. Двойная бухгалтерия и один антидот

(ПОВ: Энцо)

Зал Совета Приоров в Палаццо Веккьо. Здесь всегда пахнет старым деревом, воском и скрытой агрессией. Высокие сводчатые потолки украшены фресками, изображающими триумф добродетели над пороком. Ирония в том, что большинство присутствующих здесь людей — воплощение порока, маскирующегося под добродетель.

Я сижу во главе длинного стола, обитого зеленым сукном. Слева от меня — кардинал Орсини, человек, чья шея настолько толстая, что ему приходится заказывать рясы по индивидуальному лекалу. Справа — пустой стул, который вот-вот должен занять главный объект нашего сегодняшнего стресса. А передо мной лежит бухгалтерская книга. Я нервно кручу в пальцах перо (ненавижу павлиньи перья, но это статусная вещь, приходилось терпеть).

— Синьор Медичи, — басит Орсини, брызгая слюной на мои безупречные чернильницы. — Это возмутительно! Мой племянник, легат Святого Престола, лежит в ваших покоях и на все мои вопросы о пошлинах на шерсть цитирует «Энеиду»! Это издевательство? Это политический протест?

Я сохраняю лицо, идеально отработанное годами трени-

ровок перед зеркалом. Лицо безжалостного «кондотьера финансов». Ни один мускул не дрогнет. Внутри у меня все сжимается от паники. Если контракт на квасцы сорвется, акции Банка упадут на четырнадцать процентов к закрытию торгов на Понте-Веккьо. Старые гвельфы из наблюдательного совета тут же инициируют вотум недоверия. Мой дядя Джакомо только и ждет повода, чтобы перехватить контроль.

— Ваше Высокопреосвященство, — мой голос холоден, как мрамор в январе. — Во Флоренции мы ценим искусство во всех его проявлениях. Возможно, молодой человек просто глубоко проникся местной культурой.

Кардинал багровеет. Его лицо напоминает спелый помидор, который вот-вот лопнет от возмущения. — Культурой?! Он на вопрос о налогах отвечает: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»! Это что, культурный ответ?!

Двери с грохотом распахиваются.

В зал влетает Лукреция Донати. Она выглядит так, будто только что вырвалась из алхимического ада: волосы собраны в небрежный пучок, из которого торчат две медные спицы (наверное, для отвода статического электричества), на кожаном фартуке подозрительные желтые пятна, а в руках она несет дымящийся медный чайник и серебряный кубок.

— Простите за опоздание, господа! — голос у нее звонкий и абсолютно не уважающий иерархию. — Но процесс катализации нельзя было прерывать, иначе мы бы получили не антидот, а взрывоопасный эфир!

Кардинал Орсини открывает рот, но Люче уже ставит чайник на стол, прямо поверх моих предварительных расчетов по маржинальности текстиля, и поворачивается к кардиналу.

— Ваше Высокопреосвященство, с уважением к вашей митре, но вы не отличите нитрат серебра от поваренной соли, даже если я намажу им ваш хлеб. Ваш племянник стал жертвой хостайл-тейковера... то есть, конкурентной атаки с применением нейротоксинов.

Орсини смотрит на нее так, будто она только что заявила, что Земля плоская, а Папа Римский — инопланетянин. — Хостайл... чего? Что это за ересь?!

Люче даже не моргает. Она наливает из чайника густую, пахнущую мятой и чем-то горьким жидкость в кубок. — Это ингибитор рецепторов. Пить по глотку каждые полчаса. Через два часа он перестанет рифмовать и вспомнит, что такое дебет с кредитом.

Я смотрю на нее. На ее сосредоточенное лицо, на то, как она лихо убирает прядь волос со лба тыльной стороной ладони, чтобы не испачкать перчатку. Внутри у меня происходит что-то странное. Это не просто профессиональное восхищение. Это... восторг. Она только что заткнула одного из самых влиятельных клириков Италии, используя термины, которых он не понимает, и спасла мою квартальную прибыль.

— Синьора Донати, — произношу я, стараясь, чтобы мой голос звучал властно, а не так, будто я сейчас начну аплодировать. — Вы уверены в эффективности этого... раствора?

Она поворачивается ко мне. Ее глаза цвета темного янтаря сужаются. — Синьор Медичи, если бы я не была уверена, я бы не тратила на его синтез три унции толченого жемчуга. Счет будет отправлен в ваш бухгалтерский отдел. И да, проблема с гексаметром будет решена до вечерней мессы. Но в следующий раз, когда вы будете заказывать ужины для VIP-гостей, нанимайте дегустаторов, а не полагайтесь на удачу.

Она разворачивается и уходит, оставив после себя аромат бергамота, серы и абсолютного триумфа.

Кардинал Орсини смотрит на кубок, потом на меня. — Она... она всегда такая?

— Только когда спасает вашу карьеру, Ваше Высокопреосвященство, — сухо отвечаю я, закрывая бухгалтерскую книгу. — А теперь, если вы позволите, мне нужно пойти и убедиться, что мой отдел закупок не платит за жемчуг слишком много.

Я выхожу из зала, а сердце предательски колотится где-то в районе горла. Кажется, мне срочно нужно повесить ей гонорар. И, возможно, купить ей новую партию лабораторного стекла.

ГЛАВА 3. Инвестиционный бюллетень с высоты птичьего полета

(ПОВ: Беа)

Высоко над Флоренцией воздух совсем другой. Здесь, на колокольне Джотто, он пахнет не гниющими овощами с рынка и не навозом мулов, а озоном, птичьим пометом и безграничными возможностями для пиара.

Я, Беатриче Альбицци, стою на узком карнизе, придерживая развевающиеся юбки, и чувствую себя богиней мести. Или, по крайней мере, флорентийским Робин Гудом, только вместо стрел у меня печатный станок, а вместо золота — компромат.

Внизу раскинулась Флоренция — красные черепичные крыши, узкие улочки, где снуют люди, и величественный купол Брунеллески, возвышающийся над всем этим хаосом, как символ человеческого гения и безумия одновременно.

— Синьора Беатриче, — ноет Пьетро, старый звонарь, пряча в кармане рясы увесистый кошель с флоринами. — Если Синьория узнает, что это я разбросал эти... эти еретические бумажки, меня же на костре сожгут! Или того хуже — запретят пить вино!

Я закатываю глаза и покровительственно хлопаю его по

плечу. — Пьетро, дорогой, включи мозг. Это не ересь. Это *инвестиционный бюллетень*. Мы просто информируем народ о том, что жадная семья Пацци тайно скупает все запасы немытой шерсти в Тоскане, чтобы зимой взвинтить цены на сукно. Это называется прозрачность рынка!

Пьетро смотрит на меня с таким выражением лица, будто я только что предложила ему прыгнуть с колокольни, чтобы доказать, что люди могут летать. — Прозрачность рынка? Синьора, я звонарь, а не экономист! Я знаю только колокола и вино!

В моих руках — увесистая пачка листовок, напечатанных подпольно в подвале у моего кузена (он должен мне услугу за то, что я не рассказала его жене о его интрижке с прачкой). Крупный готический шрифт гласит: «ПАЦЦИ ХОЧЕТ ОДЕТЬ ФЛОРЕНЦИЮ В РВАННЫЕ ЛОХМОТЬЯ! БОЙКОТ ШЕРСТЯНОГО КАРТЕЛЯ!»

— Давай, Пьетро, — подбадриваю я его, сунув в руку еще одну монету. — Когда пробьет полдень, и на площади соберется максимум народу, ты делаешь вид, что у тебя заело веревку от колокола, открываешь люк и... вуаля! Информационная бомба замедленного действия.

Пьетро крестится и начинает складывать листовки в холщовый мешок. — Вы же понимаете, что если меня поймают, я скажу, что вы меня заколдовали?

— Пьетро, дорогой, — смеюсь я, — если бы я умела колдовать, я бы наколдовала себе мужа-миллионера, а не стояла

бы здесь с тобой, вдыхая аромат голубинового помета.

Я смотрю вниз, на площадь Синьории. Где-то там, в своих дворцах, сидят напыщенные патриции из семьи Пацци и думают, что они короли этого города. Они думают, что их связи с Римом и толстые кошельки делают их неуязвимыми. Ха! Они недооценивают силу вирусного маркетинга. К вечеру каждый трактир, каждая прачка и каждый уличный мальчишка будет знать, что Пацци — это монополисты-кровопийцы.

О, я просто обожаю этот город. Здесь интриги плетутся быстрее, чем паутину плетет осенний паук. Моя лучшая подруга Люче спасает банкиров от ядов, Энцо Медичи строит из себя ледяного тирана (хотя я видела, как он однажды плакал над сломанным крылом голубя, но это наш маленький секрет), а я... я управляю повесткой дня.

Колокол начинает гудеть, готовясь к полуденному звону. — Пора, Пьетро! Швыряй!

Пьетро с кряхтением открывает люк и опрокидывает мешок. Сотни белых листков взмывают в воздух, подхваченные тосканским ветром, и кружат над площадью Синьории, как стая голодных чаек. Внизу уже слышны первые крики, кто-то тянется за бумажкой, кто-то начинает читать вслух.

— Смотрите! Пацци скупает шерсть! — Монополисты проклятые! — Бойкот! Бойкот!

Я вдыхаю полной грудью. Боже, как же хорошо быть главным инфлюенсером Ренессанса.

— Синьора Беатриче, — шепчет Пьетро, глядя вниз с ужасом и восхищением. — Вы... вы ведь не ведьма, правда?

Я подмигиваю ему. — Пьетро, дорогой, в этом городе ведьмы — это те, кто не умеет считать флорины. А я умею. Так что нет, не ведьма. Просто очень хорошая маркетолог.

И с этими словами я спускаюсь по винтовой лестнице, оставляя Пьетро размышлять о природе современной пропаганды и о том, стоит ли ему просить прибавку к жалованью.

ГЛАВА 4. «Канта-релла-лайт» и кризис импортозамещения

(ПОВ: Люче)

Вернувшись в лабораторию, я первым делом вылила содержимое серебряного тазика в специальную утилизационную яму (ее выкопали еще во времена Черной Смерти, так что земля там и так мертва), а затем принялась за главное — за бокал с вином, из которого пили на том самом злосчастном ужине.

Томмазо, мой гениальный, но вечно перепуганный подмастерье, раздобыл его с риском для жизни, подкупив дворцового бутылкой выдержанного кьянти.

Я капаю рубиновую жидкость на слой измельченного мела, пропитанного экстрактом лакмусового лишайника. Жду. Капля медленно расплзается, образуя концентрические круги. Синий. Зеленый. И, о боги, ядовито-оранжевый с вкраплениями черного.

— Макиавелли, ты видишь это? — шепчу я, не отрываясь от лупы. Кот, сидящий на стопке инквизиционных протоколов, лениво открывает один желтый глаз. — Это не классическая «Канта-релла». Это ее дешевый, масс-маркет аналог. «Канта-релла-лайт», если угодно.

Настоящая «Канта-релла», фирменный рецепт семьи Бор-

джиа, — это элитный продукт. Там тебе и шпанская мушка, и мышьяк, очищенный через дистилляцию с медным купоросом, и экстракт аконита, собранный в полнолуние. Это дорогое, статусное отравление. От него умирают красиво, с легкой улыбкой и ароматом фиалок изо рта.

А то, что я вижу сейчас... Это бюджетный сегмент. Это демпинг на рынке нейротоксинов! Кто-то заменил дорогой мышьяк на дешевые соли свинца (так называемый «свинцовый сахар»), чтобы заглушить горечь аконита, и разбавил всё это соком обыкновенного тосканского ревения.

— Оптимизация расходов за счет здоровья потребителя, — фыркаю я, записывая результаты в гроссбух. — Они даже не потрудились провести нормальную фильтрацию! В осадке плавают неорганические примеси. Это же не яд, это просто очень токсичный компот!

Я в ярости. Не потому, что кто-то пытался отравить гостей (это, повторяю, стандартная практика нетворкинга), а потому, что конкуренты используют *дешевые аналоги*. Это оскорбляет мои профессиональные чувства. Это как если бы великий художник рисовал фреску не lapis lazuli, а толченым кирпичом, смешанным со слюной.

Макиавелли потягивается, спрыгивает со стола и пытается лизнуть каплю вина, упавшую на столешницу. — Нет! — я шлепаю его по попе свернутой папкой с чертежами кофемашины. — Это стрит-фуд, Макиавелли! У тебя от этого шерсть полиняет, а из пасти будет пахнуть дешевой аптекой!

Ты — элитный кот, ты ешь только премиум-лосось и нюхашь только серу высшего сорта!

Кот обиженно мяукает и уходит в угол, демонстративно поворачиваясь ко мне спиной.

Я сажусь на табурет и барабаню пальцами по столу. Кто стоит за этим «импортозамещением» в сфере ядов? Семья Пацци? Они богаты, им не нужно экономить на мышьяке. Значит, это кто-то из мелких игроков, пытающийся выбиться в высшую лигу, копируя методы гигантов, но не имея их бюджета. Или... это инсайдер? Кто-то, кто имеет доступ к подвалам Медичи, но не имеет доступа к их казне?

Детективная жилка, которую я обычно подавляю сарказмом и работой, предательски пульсирует. Мне нужен кофе. Настоящий, черный, без цикория. Но пока моя кофемарка на стадии прототипа, придется терпеть.

Дверь со скрипом открывается. Входит Томмазо. Лицо белое, как свинцовые белила (которые, напоминая, вызывают деменцию, но сейчас это к месту). — Синьора Лукреция... Вас вызывает Синьор Лоренцо. В Палаццо Медичи. В его личный кабинет. Срочно.

Я замираю. Личный кабинет? Это не совет директоров. Это тет-а-тет. — Он сказал, по какому поводу? Томмазо сглатывает. — Он сказал... что хочет обсудить «стратегическое партнерство и слияние перспективных активов».

Я медленно выдыхаю. Слияние активов. Ну держитесь, корпоративные акулы. Я не дам вам поглотить мой стартап

без боя.

ГЛАВА 5. Синергия, дивиденды и уродливые майоликовые кружки

(ПОВ: Энцо)

Мой личный кабинет в Палаццо Медичи — это моя крепость. Здесь стены обшиты полированным орехом, на полу лежит персидский ковер, а на столе из массива дуба лежит только то, что должно лежать: идеальные гусиные перья, чернильница из горного хрусталя и... одна уродливая майоликовая кружка.

Я покупаю эти кружки у одного безумного гончара из Урбино. Они кривые, глазурь на них лежит пузырями, а ручки выглядят так, будто их лепили в состоянии сильного алкогольного опьянения. Но когда я пью из них воду, мне кажется, что я не всемогущий банкир, от которого зависят судьбы тысяч людей, а просто парень, который любит странные вещи. Это моя терапия.

Сейчас я нервно верчу эту кружку в руках. На ней изображен пухлощекий херувим, который выглядит так, будто страдает от сильной мигрени.

В дверь стучат. — Войдите, — говорю я, стараясь придать голосу бархатную властность. Дверь открывается, и входит Люче.

Она выглядит... потрясающе. И пугающе. На ней тем-

но-зеленое платье с высоким воротником, волосы убраны в строгую сетку, а в руках она сжимает кожаный портфель, как щит. От нее пахнет бергамотом, озоном и абсолютной, кристальной уверенностью в себе.

— Синьор Медичи, — она слегка кивает, не делая ни шага дальше порога. — Меня информировали о срочном вызове. Надеюсь, племянник Папы больше не декламирует Вергилия?

— Нет, синьора Донати, он уже перешел на прозу и даже успешно согласовал пошлины, — отвечаю я, вставая из-за стола. Я хочу обойти стол, чтобы не было этой дистанции, но ноги предательски заплетаются в полах тяжелого бархатного камзола. Я делаю два шага и замираю.

Внутри у меня паника. *Энцо, ты же глава банка. Ты уничтожил конкурентов одним взглядом. Скажи ей что-нибудь умное.* Но мой мозг, предатель, решает, что сейчас самое время использовать терминологию из квартального отчета.

— Лукреция... то есть, синьора Донати, — я прочищаю горло. — Я вызвал вас, потому что... я много думал о наших последних транзакциях. И я пришел к выводу, что... наши активы... они...

Боже, что я несу?

Люче приподнимает одну бровь. — Активы, синьор Медичи? Вы имеете в виду мои лабораторные запасы толченого жемчуга?

— Нет! То есть, да! — я чувствую, как предательский ру-

мянец ползет по шее. — Понимаете, ваша лаборатория демонстрирует невероятную маржинальность. А мой банк обладает... э-э-э... избыточной ликвидностью. И я подумал, что если мы проведем... слияние наших активов... это может дать потрясающую синергию!

В кабинете повисает тишина. Такая густая, что ее можно резать кинжалом. Я мысленно бьюсь головой о свой дубовый стол. *Синергию?! Я только что предложил ей синергию?! Я звучу как мой дядя Джакомо на скучном собрании акционеров!* Я хотел пригласить ее на ужин в сады Боболи, хотел спросить, любит ли она инжир, хотел сказать, что когда она злится, у нее в глазах пляшут чертики, которые стоят больше, чем весь мой золотой запас!

Люче смотрит на меня. Ее лицо не выражает никаких эмоций. Это лицо человека, который только что прочитал контракт с кабальными условиями. — Синергия, — тихо повторяет она. — Слияние активов.

— Да! — я хватаюсь за эту соломинку, не понимая, что тону. — Совместное предприятие! Мы могли бы... объединить наши портфели. Ваша экспертиза и мой капитал. Мы бы получили... э-э-э... максимальные дивиденды!

Я зам

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.